

Наталья Николаевна Комарова – Голованова. Немного об отце....

Вспоминаю, как в детстве мы часто всей семьёй смотрели хорошие фильмы в ДК железнодорожников им. Андреева. Мне тогда было лет двенадцать. В одном из таких фильмов в главной роли снимался Жан Габен, он играл деда. Когда после просмотра мы вышли из зала, я увидела у папы на глазах слёзы. Он сказал: «Как мне хотелось бы иметь много внуков». А потом добавил: «Я не доживу...». Я тут же его успокоила, что у него будет много внуков!..

Папа умер 15 февраля в Сретение Господне...

Спустя три дня у него родился первый внук Илья, затем Никита, Данила, внуки Ксения, Ульяна, Полина и Кристина. Все они родились в Воркуте.

Полгода мама не сообщала мне, что папа уже ушёл из жизни, берегла меня, чтобы не пропало молоко. Именно 15 февраля я позвонила домой в Свердловск (тогда переговоры были в позднее время) и спросила: «Папа спит?» Мама ответила: «Да...»

И в течение этих полгода она постоянно как-то отговаривалась... То он в командировке, то спит уже... Как больно было узнать о случившемся...

Мне часто кажется, что папа сейчас всё знает обо всех нас, своих детях, внуках и уже правнуках... Я богатая бабушка! У меня уже девять внуков: Филипп, Макар, Елисей, Дарья, Софья, Ефрем, Серафима, Тихон и Арсений... и это пока!..

В жизни папа добивался всего сам! Он в девять лет остался сиротой. Его родители в 1937 году были репрессированы и расстреляны. Мама, Ксения Казаринова, была оперной певицей. Отец, Александр Голованов – инженером-мостостроителем. Они были совсем молодыми и очень красивыми!..

Папа был нежно любящим отцом и мужем... Он постоянно делал подарки, особенно возвращаясь из командировок. Нас с мамой называл Ёжиками. Всё ходил и пел песенку на мотив «Про ёлочку»:

Как у нашей Ёженьки

Зелены иголочки.

Ёженька, Ёженька,

Мой любимый Ёженька!..

Папа много читал. У его кровати всегда лежала книга. Он был талантливейшим человеком во всём! На ходу сочинял целые поэмы! О чём бы папу ни спросили, он всё знал, в любой области. В Раскуихе, где мы проводили много времени, знал все грибные и ягодные места. Там я помогала ему в строительстве дома. Папа любил рыбалку, ездил на озёра Свердловской и Челябинской областей. И всегда вокруг него было много друзей. Часто в дом приходили гости. Студенты-заочники просто жили у нас во время сессии.

Как в одном человеке умещалось столько любви ко всем? Он со всеми находил общий язык – и с простыми рабочими, и с профессорами...

У отца была потрясающая интуиция, тонкая натура. Он насквозь видел всех и вся, хорошо чувствовал, кто есть кто, тяжело переживал несправедливость! Ненавидел ложь и лицемерие! Его любили все! Завистники ненавидели его в душе, как это обычно и бывает...

Мне хочется сказать: «Прости меня, папа...». Как жаль, что мы осознаём слишком поздно то, что навсегда потеряли, но ничего уже не вернуть...

Руфина Николаевна Виноградова (Кондратюк). О ДРУГЕ МОЕГО ДЕТСТВА...

Мои воспоминания не преследуют цель создать конкретный образ Николая Александровича Голованова как музыканта, преподавателя. Есть авторы, которые, наверное, сделают это лучше меня. Но, с другой стороны, я, лично знавшая Николая Александровича, могу передать живые впечатления об этом исключительно обаятельном человеке. Они носят характер отрывочных воспоминаний времен детства и юности.

Каждый ребёнок в определённое время начинает осознавать себя и воспроизводить в памяти первые вспышки событий, но мне кажется, что с Николаем Александровичем мы были знакомы всегда. В семейном архиве сохранились фотографии далёких студенческих лет моих родителей, которые учились вместе с Николаем Александровичем и его женой Юлией Николаевной.

Дальше дружба наших семей продолжалась всю жизнь. Из первых детских впечатлений вспоминается небольшая комната в коммунальной квартире на улице Свердлова, полученная Николаем Александровичем от ДК железнодорожников (клуб им. Андреева), наполненная творческим беспорядком, где много места занимало фортепиано. На стенах висели старинные фотографии родителей. Особенно мне нравился портрет матери Николая Александровича, одетой в театральный костюм. Помню, когда родился маленький Колюня, его кровать стояла почти посередине комнаты, закрывая путь к выходу. В этой же квартире жил с семьёй и Владимир Иванович Турченко.

Позднее семья Головановых переехала в большую отдельную квартиру на улице Испанских рабочих. Радости не было предела! Николай Александрович самозабвенно обустроивал новое жилище. В то время не всегда можно было приобрести именно то, что нравилось. Появилась новая мебель, которую Николай Александрович сооружал собственными руками из подручных материалов. Новоиспечённый хозяин изобретал такие вещи, которых ни у кого не было. Например, пол затянутый цветастым ситчиком и покрытый лаком, имитировал роскошный линолеум. По части подобного дизайна Николай Александрович фантазировал лучше многих художников.

Я и мои родители долгое время жили по соседству. Ничего не стоило пройти пешком от улицы Свердлова вниз по улице Азина и, перейдя через железнодорожный переезд, оказаться в просторном частном доме Кондратюков на улице Железнодорожников, 65. Вот здесь, на кухне, чаще всего звучали душевные беседы «за жизнь». А жизнь казалась впереди такой счастливой! В 50–60-х годах в Свердловске было множество концертных коллективов,

оркестров, хоров, учебных заведений, где работали наши родители творчески, самозабвенно, от зари до зари...

Детям тоже досталась судьба музыкантов. Из компании детей дирижёров-хоровиков, куда, кроме Головановых и Кондратьюков, входили семьи В. М. Соломеина, В. Б. Серебровского, пианиста Б. П. Киселёва, я первая поступила в специальную музыкальную школу при Уральской государственной консерватории им. М. П. Мусоргского. Вместо физзарядки утро начиналось с гамм, а остальное время приходилось тратить на занятия и дорогу до школы и обратно. Напряжённый распорядок дня не позволял мне много общаться со сверстниками. В редкие часы отдыха от занятий музыкой приходилось довольствоваться чтением, рисованием и прогулками по усадьбе под наблюдением бабушек. Такой образ жизни в детстве соответственно повлиял на мой характер...

В это время мы с Николаем Александровичем и подружились. Я не ощущала его старшим по возрасту, настолько общим между нами было восприятие многих сторон жизни, музыки, живописи. Всегда в нашем общении присутствовали взаимное доверие и нежность. Николая Александровича обожали мои родители, ласково называли его «Головаша».

Умение Николая Александровича глубоко эмоционально чувствовать художественно-образное содержание явлений, предметов, характеры людей поражало тонкостью и уникальностью, что ещё раз подтверждало талантливость и редкую одарённость этого человека! Одна из замечательных особенностей его характера – юмор! Всем близким и друзьям Николай Александрович давал шуточные прозвища, которые постоянно подчёркивал в добродушных напоминаниях, цитировании реплик каких-то оперных героев, дружеских шаржах и стихах собственного сочинения.

Бывало, приходя к нам домой или где-то при встрече, Николай Александрович вставал в «оперную позу» и цитировал из Пиковой дамы: «Графиня вспылила: «Как смеете вы? Но граф был не трус!..» За мной так и закрепилось прозвище Графиня. Позднее, через много лет, Николай Александрович преподнёс мне в день свадьбы старинный хрустальный графинчик из домашних реликвий, не забыв воскликнуть: «Но граф был не трус!» – это уже предназначалось мужу, Владимиру Виноградову!

А мой отец, музыкант, руководитель эстрадного оркестра, своими руками построивший дом из бруса, получил прозвище Муравей. Маму же, за её полноту и доброту, Николай Александрович ласково называл Бега (Бегемот), и, заходя в гости, бродил за ней по дому, напевая: «Бега, Бега, Бега...» При входе в дом провозглашался лозунг: «Мураши в шалашах пробудились!»

Однажды Николай Александрович для своего друга, степенного по характеру, ведущего малоподвижный образ жизни, инкогнито оформил подписку на журнал «Коневодство»...

Наберусь смелости напомнить, что его любимые жена и дочь за внешнее сходство вздёрнутых носиков нежно назывались Ёжиками. В подарок покупались игрушки, фигурки, открытки с изображениями ежей. Зная, что Юлия Николаевна панически боялась мышей, Николай Александрович частенько, «для поднятия

тонуса», вкладывал в почтовый конверт открытку с изображением очаровательной мышки и отправлял домой по почте...

Его неуёмная, кипучая творческая энергия просто фонтанировала, увлекая всех друзей во всевозможные проекты и походы. Когда подросли дети, наши семьи каждое лето выезжали на озёра Южного Урала и жили там большим лагерем в палатках: купались, загорали, собирали грибы и ягоды, ловили рыбу. Это были красивейшие берега озёр Увильды, Тургояк... Главное в этих поездках – взрослые и дети на равных радовались отдыху, вместе трудились и вместе играли, придумывали интересные развлечения и праздники, жили, как одна дружная семья!

Я до сих пор с восторгом вспоминаю, как проходила тщательная подготовка к поездке, как разрабатывался маршрут, распределялись роли и обязанности, происходила закупка провизии на компанию из семнадцати или более человек. Удивительно, но приезжали всегда именно к тому месту, где неподалёку есть родничок с питьевой водой. На месте будущего лагеря в течение дня ставились палатки, строилась столовая – стол и скамейки под огромным тентом. Откуда брался строительный материал, до сих пор не могу сообразить. Видимо, все детали скрывались под грузом, навьюченным на автомобильные багажники.

Распорядок жизни в лагере был неукоснительным! Как в санатории, соблюдался тихий час! Наградой был полдник, состоящий из бутербродов со свежим земляничным вареньем из ягод, нами же собранных. Каждый день на кухне дежурила новая семья. Не составляло большого труда один раз в пять или шесть дней приготовить еду на нашу большую компанию. Готовили на газовых плиточках, меняя баллоны. Взрослые заранее составляли меню, подбирали продукты, старались повкуснее приготовить свои семейные фирменные блюда, а дети в озере отмывали посуду прибрежным песочком. Хочется напомнить, что экология в то время позволяла такую роскошь! Отправляясь на лодке с отцом на середину озера порыбачить, мы наблюдали, как огромный окунь, проплывая в глубине, заглатывал наживку. Вода была, как в аквариуме, настолько прозрачная, что солнечный свет проникал до самого дна, расцветившая огромные валуны, водоросли и рыб.

Дни в июле стояли долгие и дети укладывались на ночь, наблюдая последние лучи заката. Я занимала спальное место в «Москвиче» Головановых рядом с его дочкой Наташей. Конечно, засыпали мы довольно долго, пока вдоволь не наболтаемся! Но с утра, в одно и то же время, раздавался стук в окошечко, появлялась кудрявая шевелюра Николая Александровича, и мы прослушивали детскую хулиганскую побудку: «Как вы спали? Как вы спали? Как вас мухи не...?» Мальчишество! Никакой солидности! Но прибаутка исполнялась с невозмутимым видом! А мы, взбудораженные и хохочущие, уже бежали к берегу умываться... У кого нет подобных воспоминаний из детства? Но мне все эти мелочи очень дороги до сих пор. Понимаю, мы уже тогда учились любви и доброму юмору, простоте и искренности!

Вспоминаются зимние каникулы в любимой Раскуихе, куда Николай Александрович вывозил только нас, детей, отдохнуть от гамм и школьного режима... Уезжая днём на занятия в консерваторию (в это время в самом разгаре шла сессия), вечером он возвращался, и наша жизнь превращалась в праздничную кутерьму со всевозможными выдумками... Помню первый в моей

жизни лыжный поход по ночному таинственному лесу в лунном свете, с тенями наперерез. А по окончании лыжной прогулки в протопленном дачном доме Серебровских Николай Александрович кормил нас супом-харчо собственного приготовления. Вот и до кулинарных способностей добралась. Не проходило ни одного семейного застолья в доме Головановых без главных блюд, приготовленных хозяином. Особенно ему удавались плов, пироги с мясом, сельдь под шубой.

Отдыхая у друзей в Раскуихе, познакомившись со многими её обитателями, Николай Александрович мечтал обзавестись собственной дачей именно в этой деревне. Не секрет, что она славилась интересными жителями и дачниками, как Переделкино в Подмоскowie. Вскоре его мечта сбылась. Сначала прокопченный малюсенький домик напоминал жилище бабы Яги, но первое, что в нём появилось из обстановки – маленькая фисгармония! Уж где раздобыл её Николай Александрович – неизвестно! Но для нас такая диковина была знаменательным началом дачных сезонов! Это музыкальное чудо притягивало детей, уже имеющих начальное музыкальное образование и представление о творчестве И. С. Баха. Устанавливалась нетерпеливая очередь, кому вперёд можно будет присесть за инструмент и с невероятными усилиями постараться извлечь волшебные созвучия!

Весь период строительства и оборудования дачного участка требует отдельного рассказа с перечнем всех хохм, которые там происходили. Достаточно вспомнить шуточные указатели-ребусы и шарады, нарисованные Николаем Александровичем и развешанные на территории. Например, название заветного домика в конце огорода состояло из вопроса по-немецки «Wer?» Дальше Николай Александрович нарисовал морду любимой собаки, с которой любил ворковать, приговаривая: «Зоша, Зоша...» (от немецкого же слова «So, so!..»). Далее следовала запятая, исключая последнюю букву «а», а уж после – окончание «ник». Название заведения отгадывалось без труда! Wer-зош-ник на музыкантском жаргоне означало Туалет... И так всегда! Любое новое дело настолько увлекало и захватывало его, будто хотелось успеть сделать в жизни всё! И с юмором! Наверное, такое явление и называют жизненным азартом.

О его любви к животным можно писать много и подробно. Однажды, попав на рождение котят у нашей сибирской Мурки, Николай Александрович выбрал самого крупного котика и попросил оставить и вырастить для него. Зная характер моего отца, Николай Александрович написал шуточную расписку в том, что обязуется «усыновить кота Трифона». После Трифона, появившаяся в доме Головановых собака Лира (эрдельтерьер), стала верным другом до конца жизни хозяина. Как часто именно с Лирой приходил Николай Александрович в наш дом, когда что-то не ладилось! Она долго и терпеливо ждала окончания заплотных бесед, прижимаясь к его ногам. В день смерти Николая Александровича Лира с прогулки не вернулась...

Начав писать, я терзалась сомнением, удастся ли передать хоть долю того обожания и восхищения этим человеком, который открывал для меня многие явления в жизни. С возрастом мой детский интерес к личности Николая Александровича только возрос, его усилило общение в мире музыкального искусства. Первые впечатления были получены, когда у нас дома, присаживаясь к роялю, он импровизировал, прекрасно аккомпанируя поющим (наши мамы пели трио), проигрывая секвенции восхитительных гармонических оборотов, позднее я

узнала в них мелодии Ф. Шопена. Именно Николай Александрович открыл для меня музыку С. Рахманинова. А однажды, застав меня за рисованием, показал несколько приёмов живописи, и мы вместе нарисовали старую часовенку на фоне гаснущего заката – пейзаж, похожий на местность в Раскуихе.

Признаюсь, что я, как и многие люди моего сегодняшнего возраста, пережившие потерю родных и близких людей, склонна к ностальгическим настроениям. Но годы детства и юности оставили в памяти много таких ярких воспоминаний и открытий, связанных именно с Николаем Александровичем, которые хочется постоянно пробуждать и обновлять! Навсегда осталось ощущение мощного потрясения от концертов хора музыкального училища им. П. И. Чайковского под руководством Николая Александровича. И, вместе с тем, для меня не оказались неожиданными романтическая страстность и особенный мелодический и гармонический язык, которые отличают его обработки народных песен. Думаю, что к тому времени моя душа уже была готова к восприятию проявления таланта Николая Александровича с бесконечно разными и притягивающими его оттенками. Осмысливая те юношеские впечатления, понимаю теперь, что каждый раз потрясало открытие новых сторон обаяния тонкого музыканта, которые можно ощущать только на уровне подсознательного... И это были самые счастливые моменты общения с ним!

В последние годы жизни Николая Александровича в его внутреннем мире что-то надломилось. Сказывалась болезнь, чувствовалась усталость, но более всего ощущались пронзительные нотки обиды... И это часто откровенно обсуждалось у нас дома «на кухне», но публично рассуждать на эту тему я не в праве...

Есть люди незабываемые... Проходят годы, и начинаешь яснее понимать, какой неизгладимый след оставил в твоей жизни этот человек, осознавать, как мало с ним общался и как, в сущности, многое тебя с ним связывало, и осознаёшь уже гораздо глубже, что смерть этого человека – твоё личное горе. Таким человеком для меня был Николай Александрович Голованов.

А, может быть, споют на юбилее «Спроси у памяти»?

(стихи В. Шефнера, музыка Р. Тульбович)

Стоит ли былое вспоминать,
Брать его в дорогу, в дальний путь?
Все равно – упавших не поднять,
Все равно – ушедших не вернуть,
И сказала память: "Я могу
Все забыть, но нищим станешь ты,
Я твои богатства стерегу,
Я тебя храню от слепоты".

В трудный час, на перепутьях лет,
На подмогу совести своей
Мы зовем бывшее на совет,
Мы зовем из прошлого друзей.
И друзья, чьи отлетели дни,
Слышат зов – и покидают ночь.
Мы им не поможем, – но они
К нам приходят, чтобы нам помочь

*e-mail: muz-uch@mail.ru почта Свердловского музучилища им. П.И.
Чайковского*